

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ
ХРОНИКА
ОДНОГО ПОБЕГА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Хроника одного побега / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Спецназ.
Офицеры).

ISBN 978-5-04-088859-7

Российские тележурналисты Данила Ключников и Камилла Бартьева отправляются в Сирию снимать сюжеты на злободневные темы. Там они попадают в плен к главарю одной из бандитских группировок, известному своим зверским обращением с безоружным противником. Но на этот раз бандит не спешит казнить пленников, он собирается предъявить русских журналистов мировой общественности как шпионов президента Асада. На кону — репутация законного правительства Сирии и ее союзников. Отважные репортеры не хотят становиться козырем в руках террориста. Они готовят дерзкий побег, когда в их распоряжение неожиданно попадают сведения, способные кардинально изменить ситуацию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088859-7
© Зверев С.И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Глава 1

В выцветшем сирийском небе одиноким крестом парил орел. Казалось, он не тратит сил на то, чтобы висеть в воздухе, ветер сам несет его. Внизу простирались руины небольшого города Абу-эд-Духура, расположенного на юг от ставшего известным на весь мир Алеппо — оплота повстанцев.

Абу-эд-Духур пострадал не меньше, вот только о нем почти не писала мировая пресса. Кому интересна на фоне ста тысяч жертв, миллионов беженцев судьба нескольких тысяч? Город практически вымер. Все, кто мог, покинули его, оставив на месте лишь то, что нельзя унести, увезти с собой, — черные задымленные стены разрушенных домов, коробки заводских корпусов, улицы с воронками, оставленными авиационными бомбами.

Ветер гнал по пустынным улицам пыль, клочья газет и листовок, на перекрестках, между безжизненных светофоров, кружились в воздухе пластиковые пакеты, напоминавшие, что все же в казавшемся вымершем городе продолжается жизнь.

Своеобразная, созвучная своему времени, а потому страшная жизнь.

Мало кто из пленников, попавших в руки отряда повстанцев, взявших под контроль мертвый город, мог изменить свою судьбу. От людей уже ничего не зависело, за них все решали те, у кого было в руках оружие. Даже собственная жизнь несчастным не принадлежала. Полторы сотни пленных — мужчин и женщин, представителей разных рас, стран, коротали день в душном дворике бывшего полицейского участка. На ночь их загоняли в здание изолятора временного содержания.

Дворик окружала высокая бетонная стена, на углах которой повстанцы устроили что-то вроде сторожевых площадок — на сбитых щитах уложили мешки с песком, за которыми располагались автоматчики. С северной стороны сразу же за стеной открывался фантастический промышленный пейзаж. Руины бывшего завода по производству строительных конструкций выглядели живописно. Местами проваленные перекрытия, хитросплетения проржавевшей арматуры, порванные ленты транспортеров, чудом уцелевшие кирпичные трубы, гигантские наклонные цилиндры шаровых мельниц. Кроме всего этого, да еще клочка выцветшего неба с крестом хищной птицы, больше изнутри двора ничего нельзя было увидеть.

Пленники, за редким исключением, здесь подолгу обычно не задерживались. Кого-то оперативно выкупали родственники или фирмы, кого-то — победнее, элементарно продавали в рабство,

представителей противоборствующей стороны или даже союзных по борьбе с режимом президента Асада группировок выменивали на оружие, патроны, карты, тактические секреты. Ну, а тех, кому совсем не везло в этой жизни, боевики просто убивали, чтобы не тратиться на пищу для них. Происходило все это буднично, даже рутинно — затянувшаяся революция приучила людей к жестокости и обесценила чужую кровь.

Полуденная дрема укрывшихся в тень пленников на плацу оказалась прервана появлением главаря группировки, обосновавшейся в Абу-эд-Духуре, — Хусейна Диба. Этот человек был лишен всякого сострадания к тем, кто был слабее его. Внешность он имел довольно колоритную. Жесткая черная борода «лопатой» доходила до середины груди. Под кустистыми сросшимися бровями маслянисто поблескивали маленькие глазки. Голову туго обтягивала повязка с арабской вязью. Густая шевелюра, разросшаяся по всему телу, кустиками выбивалась из-под выреза и рукавов заношенной белой майки. В левой руке главарь отряда сжимал пистолет, правой тербил сердоликовые четки. Его ноги были полусогнуты, словно Хусейн собирался пуститься в пляс. Заглянув главарю в глаза, нетрудно было догадаться, что он основательно обкурился — обычное для него состояние, нездоровый блеск говорил об этом однозначно.

— Всем встать! — заорал он на сирийском диалекте арабского, нисколько не смущаясь тем, что далеко не все его понимают.

Люди стали медленно подниматься, подходить к стенам. Хусейна Диб а их неторопливость взбесила.

— Я сказал! — крикнул он. — Тот, кто поднимется последним, получит пулю!

Последним оказался пожилой французский инженер. Его костюм все еще хранил былой лоск, а вот выражение самоуверенности с лица уже улетучилось. Немолодой мужчина уже шел к стене, когда Хусейн нажал спусковой крючок. Пуля вошла в землю прямо у ног инженера, подняв фонтанчик пыли. Светлые штаны немолодого француза стали темнеть между ног. Диб собирался попасть несчастному в спину, но промазал. Однако ему не хотелось признавать такой досадный промах.

— Шутка! — задорно выкрикнул он. — Лягушатник, иди к остальным, может, тебе еще раз повезет.

Пленники стояли молча. Явная неадекватность главаря повстанцев не сулила ничего хорошего. Когда наркоман берет в руки боевое оружие, жди беды. И она не заставила себя ждать. Диб запустил пальцы в бороду, прикрыл глаза, словно что-то вспоминал, затем его рот растянулся в кривой улыбке — такой широкой, что ее не мешала разглядеть даже густая растительность на лице.

— Ублюдки, — проговорил он. — Каждый из вас и засохшей коровьей лепешки не стоит. Все вы здесь собрались не случайно. Это я вас собрал вместе. Кто-то воевал против нас, кто-то сотрудничал с преступным режимом. И каждому из вас

предстоит ответить за это. Думаете, откупиться деньгами? Но за кровь можно расплатиться только кровью. Посмотрите на мой родной город. Что из него сделали ваши друзья из Дамаска? Он мертвый! Абу-эд-Духура больше нет. Некому хоронить, некому оплакивать мертвых...

Обмочившийся после выстрела француз стоял рядом с парой: высокий, крепко сложенный мужчина со светлыми, выгоревшими на солнце волосами и хрупкая молодая женщина со следами косметики на лице. Инженер стыдливо смотрел в землю, он не понимал, что говорит Хусейн, и поэтому мелко трясся.

— Часто тут такое случается? — спросил у француза по-английски молодой блондин.

— Он сумасшедший, маньяк, — пролепетал «лягушатник». — Лучше его не злить. Вы, наверное, недавно здесь, если спрашиваете?

— Второй день, — отозвался блондин. — Мы российские журналисты, — он кивнул на молодую женщину.

— Это плохо. Очень плохо, — произнес француз.
— Почему?

Ответа журналист так и не услышал, потому что Хусейн повысил голос, явно собираясь завершить свой эмоциональный монолог на «высокой ноте».

— ...а потому я сейчас застрелю каждого шестого из вас.

— Что он сказал? — засуетился француз, поняв по реакции пленников из местных, что прозвучала какая-то угроза.

— Он сказал, что сейчас убьет каждого шестого, — перевела спутница слова блондина. — Это шутка такая?

— Не думаю, — послышалось в ответ.

Сказанное и впрямь казалось какой-то идиотской шуткой. Но Диб уже шел к выстроившимся вдоль стены людям и хаотически размахивал пистолетом, который продолжал сжимать в левой руке.

— Хотите знать, почему каждого шестого? — произнес он и обвел взглядом пленников.

Никто не решился подтвердить свой интерес к цифре шесть.

— А потому, что мне так захотелось! — хрипло выкрикнул Хусейн.

Другим бойцам повстанческого отряда явно было не по душе то, что затеял командир, но никому из них не хотелось попадать под его горячую руку.

— Какой у тебя номер? — спросил Диб бедуина, стоявшего первым.

— Первый, — с дрожью в голосе выговорил мужчина с темным, почти коричневым лицом.

— Не угадал, — Хусейн усмехался, глаза его хищно блестели.

— Первый, — повторил пленник.

И тут Хусейн вкрадчиво произнес:

— Шестой, — после чего резко вскинул руку с пистолетом и выстрелил несчастному в лоб.

Голова лопнула, как спелый арбуз. Заднюю часть черепа вынесло выстрелом. Кровавое месиво плеснуло на шершавую бетонную стену. А сам

человек, уже мертвый, упал на пыльную землю. Хусейн стоял и смотрел, как дым медленно стекает из ствола его пистолета.

— Считать научись, — наконец вскинул он голову и перевел взгляд на замершего араба в перепачканной краской строительной робе. — А ты считать умеешь?

Строитель так трясся, что не смог выдавить из себя и слова.

— Может, и ты шестой, а? — прищурился Диб.

— В-в-в-в-второй, — вымолвил непослушными губами строитель.

— Не слышу... — Голос главаря вновь стал вкрадчивым.

— Седьмой, — справился с собой араб.

— Ответ правильный, — ствол пистолета еще несколько раз качнулся перед лицом строителя.

Хусейн принялся считать дальше:

— Третий, четвертый, пятый...

Шестому он пустил пулю в лоб даже без предупреждения и тут же повел свой страшный отсчет дальше. Люди, стоявшие вдоль стены, лихорадочно отсчитывали свое место, боясь стать двадцать четвертыми, тридцатыми, тридцать шестыми... Сделать это, оставаясь в шеренге, было непросто. Каждый новый подсчет обычно выдавал новый номер.

— Семнадцатый, — произнес Хусейн, глядя в глаза российскому журналисту, и улыбнулся. — А вот ей не повезло, — кивнул он на молодую женщину. — Восемнадцатая. Ну, что я могу с этим поделаться? Таковы правила моей считалки.

Ствол пистолета уперся красавице в лоб. Женщина закрыла глаза, боялась пошевелиться.

— Стой! — внезапно сказал журналист.

Хусейн недоуменно посмотрел на него:

— В чем дело?

— Я хочу поменяться с ней местами, — твердо сказал он.

Диб округлил глаза:

— Хочешь стать восемнадцатым? Хочешь умереть?

— Камилла, — журналист властно взял свою коллегу за плечи и поменялся с ней местами.

— Данила, не делай этого, — сказала женщина, но не смогла найти в себе силы, чтобы вернуться под ствол пистолета.

— Можешь стрелять, — сказал журналист Хусейну, глядя в черный провал отверстия ствола.

Диб покачал головой:

— Может, вас вместе пристрелить? Теперь и ты, и она восемнадцатые.

Данила выдержал насмешливый взгляд.

— Стреляй.

Еще неизвестно, чем бы окончилась считалка обкуренного командира, если бы не послышался автомобильный сигнал из-за высоких металлических ворот. Хусейн опустил пистолет, но прятать его не стал. Охранники развели створки. На плац выехал древний колониальный «Лендровер». На крыше на багажной площадке был установлен крупнокалиберный пулемет.

Машина заложила на плацу круг и замерла возле командира.

— А, — недовольно произнес Хусейн. — Сабах приехал.

С заднего сиденья выбрался поджарый молодой араб, разительно отличающийся внешностью и манерами от Диба. В руке он держал увесистый саквояж. Сабах Сармини официально являлся заместителем Диба. При желании наверняка мог бы стать и командиром отряда. Ведь мозгов у него было куда больше, чем у Хусейна. Но сообразительность подсказывала ему, что практически все командиры плохо и быстро заканчивают земную жизнь. Все зло, сотворенное отрядом, персонифицируется в них. А вот заместители остаются как бы в стороне и нередко переживают своих командиров. Выглядел он почти по-европейски. Стильная стрижка, идеальный пробор, светлый деловой костюм, дорогие английские туфли. На глазах поблескивали узкие очки в золотой оправе. Когда человек с такой внешностью умеет говорить на нескольких европейских языках, это никого не удивляет.

Сабах быстро оценил обстановку. Два трупа. Безумные глаза Диба. Пистолет, направленный на двух новых пленников-журналистов. Прилюдных скандалов Сабах не любил. Тем более он старался их избегать на глазах у подчиненных. Хотя у него и имелось сильное желание врезать своему командиру по роже, все же он предпочел поступить по-другому. Просто забрал у него пистолет.

— Пошли, Хусейн, срочный разговор есть. — Сабах взял Диба за руку и повел за собой к зданию бывшего полицейского управления.

Тот не сопротивлялся, лишь, обернувшись, напомнил Камилле:

— Мы с тобой еще встретимся, восемнадцатая.

Командир со своим заместителем исчезли в здании. Бойцы без видимых эмоций потащили трупы к грузовику, бросили их в кузов.

— Кровь со стены смыть, а на земле засыпать песком! — распорядился один из бойцов, ни к кому конкретно не обращаясь, знал, что пленники, пробывшие здесь не один день, уже самоорганизовались и повторять ему не придется.

Обессиленная Камилла опустилась на землю.

— Ты с ума сошел, — сказала она своему товарищу, когда тот устроился рядом.

— Почему?

— Ты хотел умереть? Но это же лотерея. Чем я лучше тебя?

— Ты сама отвечаешь за меня, а потом задаешь новые вопросы. Для тележурналиста такое недопустимо. Я тебе говорил, что хотел умереть?

— Но ты же сам...

— Помолчи, — Данила приложил палец к губам женщины. — Я делал все, чтобы мы с тобой остались в живых.

— Поменявшись со мной местами?

— Именно, — вяло улыбнулся Данила. — Этот тип настолько самоуверен, что никогда не станет делать то, о чем его просят, он никогда не воспользуется советом, даже если он дельный. Я на этом и играл. А что мне оставалось? Я ему сказал: «Стреляй», и у него в голове переклинило.

— Не думаю, что сработал твой безумный метод.

— Мы с тобой живы, — напомнил Данила.

— Это случайность. Что они с нами собираются делать? Зачем им журналисты?

— Сделать они могут все, что угодно. Пока мы здесь, мы целиком в их власти.

— Не хочу, не хочу, не хочу... — как заведенная, стала повторять Камилла и застучала кулаком по пыльной земле.

Данила подложил на место удара свою ладонь и поймал кулак.

— Если не хочешь здесь оставаться, нужно подумать о побеге, — убежденно сказал он.

— Это возможно?

— Нужно только очень захотеть.

Женщина доверчиво прижалась к мужчине. Он слышал, как часто бьется ее сердце. Он смотрел вокруг, думая о том, что убежать отсюда практически невозможно, вот разве какая-нибудь случайность подвернется. Еще он подумал, что за них повстанцы практически еще и не брались — руки не дошли.

А каким неплохим ему казалось будущее совсем недавно...

Решение поехать в Сирию пришло спонтанно. Всему виной оказался случай. Оператор Данила Ключников и тележурналистка Камилла Бартеньева уже второй год работали вместе, вместе и жили в Москве, снимая квартиру. Профессия стрингера — свободного журналиста, делающего сюжеты для разных каналов, — им нравилась. Практически ни от кого не зависишь. Нашел покупателя на материал, сумел выгодно продать, и